

*Итальянским друзьям,
друзьям Италии*

I

Встреча в Венеции

Итак, моя мечта исполнилась. Представилась возможность освободиться на несколько недель от работы и, несмотря на скудность средств, я выехал в начале марта в Италию.

Покидая светлую Женеву, я встретил в поезде старую знакомую, как и я, стремившуюся к желанному, заманчивому югу и почти что тем же путем.

В Венецию мы приехали днем, остановились в недорогом отеле и сразу принялись за осмотр церквей и музеев.

Не все нас одинаково интересовало, и иногда мы расходились по разным местам, встречаясь где-нибудь в условленном пункте.

Было часов семь вечера — время чудесного заката, когда, подойдя к молу, я увидел мою спутницу, живо беседующую по-французски с красивым старым гондольером.

— Ну наконец-то, вы появились! — воскликнула она. — А я с ним здесь торгуюсь. Ужасно запрашивает. Вы как? Хотите проехаться в море? Как видите, я даже гитару достала.

Действительно, в ее руках находился большой бумажный сверток, очевидно, только что взятый из магазина.

Попробовал и я поторговаться с гондольером, и через несколько минут мы тихо и стройно покатали в неведомую ласковую даль.

Угасающее солнце бросало нежные золотые блики на удаляющийся город, и тишина, прерываемая редкими всплесками весла, углубляла настроение и грезы.

Мы долго молчали, провожая теплый чудесный день. Понемногу опустилась дымка прохладных сушек, и над нами, в небе, и позади нас, в черных полосах далекого города, зажглись огненные звезды.

Моя спутница взяла на гитаре несколько звучных мягких аккордов, и сразу всей душой меня потянуло к пению. Я запел. Сначала тихо, несмело; потом, когда одобрение гондольера и спутницы затронуло пробужденную струну, я дал волю голосу и чувству — и мощно разлились над итальянским заливом русские сильные песни.

Широта, грусть и безумная тоска сменялись радостью и силой... Иногда моя спутница подпевала мне звучным широким сопрано, и было в этом что-то большое, светлое, словно канун великого праздника.

Да, и вправду, это было началом лучшего праздника жизни — торжества весеннего солнца.

Уже давно я заметил, что близко к нам, не отставая, почти параллельно, плывет красивая крытая гондола. Я не знал, кто в ней, но что-то внутри подсказывало особенно яркие песни, особенно нежные тембры — словно мне пелось не для себя, а для кого-то нового и близкого, уже замороженного, уже связанного со мной волшебными нитями.

Кончилась песня, и долгая пауза превратилась в четкое молчание.

— Еще, еще! — вдруг воскликнула спутница. — Я так давно не слышала вас, а вы сегодня в голосе!

— Нет, — ответил я тихо. — Меня интересует та гондола. Вы заметили? Она все время шла рядом, а теперь без стеснения идет на нас.

Гондола приближалась. В широком оконце показалась женская головка. Присутствие в нашей лодке женщины придавало ей, очевидно, смелости, и она тихим, но звучным голосом спросила:

— Простите, господа, ведь вы наши гости?

Высоко приподняв шляпу, я ответил ей по-французски:

— Да, синьорина, и не настолько невежливые, чтобы говорить на вашем прелестном языке, которому еще недостаточно научились.

В это время гондола поравнялась с нами, и я заметил на ее носу золоченую корону. В оконце появилось еще одно женское лицо, и мы разговорились.

Полилась перекрестная беседа. Обе женщины были изящны и красивы. Но в то время как первая была молода и свободна, вторая, очевидно, старшая и много пережившая, была гораздо сдержаннее и даже строже.

— Как странно! — воскликнула младшая из них. — За исключением князя В., вы первые русские, которых я встречаю. Как жаль, что мы совсем не знаем вашей страны. Мне почему-то кажется, что мы гораздо ближе друг к другу, чем ко всей Европе!

— О, без сомнения, — подтвердила старшая. — И это большая ошибка, что мы соединяемся с умирающими нациями, вместо того чтобы идти к славянству, которому предстоит будущее.

Я был далеко не в курсе политической жизни Италии, я еще не знал ни ее отношений к соседям, ни отношения тех к ней, но понимал, что в великом прошлом Италии скрывалась не только сила ее, но и ее бессилие... Все — в прошлом! А теперь молодая

неокрепшая страна нуждалась в помощи и, конечно, в помощи тех, кто сильнее.

Оживленно беседуя, перескакивая с одной темы на другую, мы въехали в открытое море. Вдали заблистали яркие огни парохода, откуда доносилась музыка струнной серенады.

— Вы не слышали еще серенады? Вы только сегодня приехали? О, так вы должны обязательно послушать!

Молодая женщина махнула рукой гондольеру; плывя прямо на звуки, мы остановились невдалеке, с наслаждением слушая чарующие песни Венеции.

Какие переливы, какая простота и наивность в музыке! Какая страстность и любовь!

Песня за песней разносились кругом, а мы молчали, словно какая-то колдовская сила спустилась к нам из неведомых стран, и мы застыли, очарованные, объединенные одной мечтой.

Но вот музыка смолкла, гондола музыкантов отъехала, и яркие пароходные огни погасли.

Мы повернули в сторону, и вновь полилась беседа. Мы все еще не представились друг другу, и я не знал, с кем меня столкнула судьба; но в тоне молодой женщины, в ее манере говорить чувствовался прирожденный аристократизм, а обстановка ее гондолы и преувеличенное уважение гондольеров указывало на богатство и высокое положение.

Заговорили, наконец, о пении. В те дни это еще не было моей специальностью, а только радостной мечтой. Голос был молодой и свежий, но без всякой школы, без шлифовки. И конечно, если мое пение производило впечатление, то доброй половиной успеха я был обязан глубокому содержанию и лирической красоте русской песни.

Вдруг во время беседы, совершенно неожиданно, наша новая знакомая предложила нам обоим перейти в ее гондолу.

— Мы, по крайней мере, познакомимся друг с другом, — улыбаясь сказала красивая девушка, у которой я заметил тонкие руки и пышные золотистые волосы... — Пожалуйста, прошу вас!

Мы с удовольствием перелезли через борт; и, прикрепив нос нашей лодки к корме крытой гондолы, оба старика, мирно разводя шестами, повезли нас вперед.

Чем больше я всматривался в обеих подруг, тем яснее становилось, что судьба столкнула меня с чем-то далеким, старинным, от чего веет ароматом венецианской эпохи Возрождения.

Пока мы с золотистой девушкой заполняли беседу вопросами искусства, жизни и любви, ее подруга о чем-то допрашивала мою спутницу.

Иногда доносился сквозь их шепот полусдержанный смех. Вдруг все почему-то замолчали.

Сильнее заколыхался голубой фонарик на носу гондолы: звезды городских огней увеличились и превратились в красно-желтые пятна. Мы подъезжали к городу.

Приблизившись к молу, мы вернулись на свои места и, поблагодарив друг друга за прекрасный вечер, дружески простились.

— Надеюсь, что еще встретимся! — донеслось до меня, когда наша гондола, уже отделившись, подплывала к берегу. Я не успел ответить и только приветственно взмахнул шляпой.

Оставшись одни, мы сначала поделились впечатлениями, а потом с любопытством спросили у гондольера, кто была эта прелестная синьора.

— Как кто? Да разве вы не знаете? Ведь это маркиза Веронская, Аделаида дель Кампофиоре, и ее подруга Винченца Боргезе!

И немедленно, переходя от восторженного тона к просительному, прибавил, причаливая к молу:

— За счастливое знакомство с вашей милости на чаек!

Я с удовольствием доплатил ему еще несколько монет, и мы отправились в отель.

Перебирая в памяти все наши разговоры и вопросы, я вдруг внезапно вспомнил, что маркиза усиленно расспрашивала, где я буду завтра днем; и когда я ответил, что из отдельных мест я знаю только то, что между часом и двумя буду во Дворце дожей, она сказала:

— Ну вот отлично! Дожи — это самая красивая, самая блестящая страница Венеции!

И вот теперь у меня появилось настойчивое предчувствие, что я встречу ее там. С этой мыслью я уснул и с этой же мыслью проснулся.

Постучавшись к соседке, я узнал, что она отправляется в Верону, откуда вернется только завтра, а может быть, и позже. Я простился с ней и спешно отправился в Академию.

Но, как ни интересна эта редкая по величине и ценности галерея, я ни на чем не мог сосредоточиться; внутренний огонь разжигал и любопытство, и сладкое чувство влюбленности... Я торопился, волновался и к часу дня, едва перекусив в кафе на площади Святого Марка, пришел во Дворец дожей.

Должен сознаться, что к истинному пониманию искусства у меня не было солидной подготовки, и все, что ни видел я, проходило через призму чувства и, только преломляясь в нем, доходило до моего сознания. Но к красоте я был подготовлен всей мечтой

об Италии, и ее я воспринимал во всем, где бы она ни проявлялась...

Долго я любовался чудесным видом на залив с высокого балкона; потом, рассматривая живопись и фрески, остановился взором на странной пустоте в левом углу залы Верховного совета, где в длинной цепи портретов дождей не хватало одного звена; там вместо портрета дожа Марино Фальеро стояла краткая надпись:

«Здесь место Марино Фальеро обезглавленного за преступность».

И вспомнились мне «Серапионовы братья» Гофмана, где лучше всякой летописи рассказана история Фальеро и венецианской красавицы, его жены...

Где же моя венецианка? Где та, которую моя мечта уже готова возвести на престол дождей и созерцать ее красу и величие в пышных царственных одеждах?..

Мне недолго пришлось ждать: среди многочисленной публики показалась стройная фигура в черном платье и белой, словно лебяжьей, накидке. Я быстро встал и пошел ей навстречу.

— Видите, как я догадлива? — протягивая мне руку, с чарующей улыбкой воскликнула маркиза. — Я чувствовала, что вы должны быть в этой зале, и пробежала другие, даже не оглядываясь. А вы, конечно, задумались о Фальеро? Как все иностранцы!

Она засмеялась. И справедливо. Конечно, нет сомнения, что большинство иностранцев знают итальянскую историю из беллетристики: я сам встречал немало людей, которые подробно могли рассказать историю Ченчи, Фальеро, Фоскари, но затруднялись ответить, в каком веке это происходило.

— Да, как все иностранцы! — улыбнулся и я — Но знаете ли вы, синьорина, что легенда хотя не так верна, как история, но зато гораздо ярче, порой даже

справедливее, и, во всяком случае, в ней рельефнее и отдельные образы, и общая картина. Вот почему нам дороги отдельные странички истории всех народов, которые, быть может, были бы оставлены без внимания в другой оболочке. Мы все любим сказки и хорошо воспринимаем их с детства. Так что иностранцы, синьорина, мало зная истинную историю вашей страны, полюбили ее, как сказку, — и представьте, что до сих пор не разочаровались в ней; и сквозь всю подчас жестокую действительность умудряются дышать ароматом этой сказки, не только прощая, но и не замечая действительности!

Вдруг глаза собеседницы ярко зажглись, легкий румянец выступил на ее щеках; она хотела, видимо, задать щекотливый, острый вопрос... не принимаю ли я ее за сказку? Глаза ее улыбались. И я уже прочел этот вопрос во всем ее существе, но она сдержалась и не спросила.

Через лоджии мы проникли маленькой дверцей к прославленному легендой мосту Вздохов. Но ни печальные воспоминания этого моста, ни еще более тяжелые мысли при виде старинной тюрьмы, куда нас проводили, — все это не нарушало иллюзии сказки.

— Ну, куда теперь? — спросила стройная маркиза, когда мы вышли из дворца. Было три часа дня, и мне прежде всего хотелось есть. Но я никак не мог сообразить, вежливо или невежливо пригласить ее к обеду, тем более зная, хотя не от нее самой, ее положение в обществе.

Наконец я решил и, оправдываясь незнанием здешних обычаев, спросил, не имеет ли она что-либо против совместного обеда. Она мило, по-детски, улыбнулась и ответила до чрезвычайности просто, что к обеду ее будут ждать дома и что ей неудобно по-

казаться где-нибудь в ресторане, но если мы увидимся вечером, то где-нибудь поужинаем вместе.

Медленно шагая по узким улицам с мостика на мостик, — мы пошли, совершенно не заботясь о направлении. Теперь я разглядел ее и чувствовал ее очарование еще сильнее. И не в красоте ее оно таилось, а в какой-то надземной тишине, казалось, исходившей от каждого ее движения. Золотые волосы, глубокие синие глаза, — в которых отражалось море, тонкие черты лица — все это было совершенно новым, впервые встреченным, — и давним, сказочно знакомым...

— Мне не хотелось называть себя раньше, чем я достаточно узнаю, с кем меня столкнула судьба. Но теперь я уже чувствую, что никогда не пожалею о своем порыве. Мне хотелось бы еще раз послушать ваше пение! Как странно, что в русском человеке так много итальянской экспрессии и даже манеры... Скажите, разве вы ничего не поете по-итальянски?

— Пою, хотя немного, — ответил я. — Скажите, синьорина, могу ли я знать, где вы живете?

— А знаете ли вы, где мы находимся сейчас? — спросила маркиза.

Я оглянулся и убедился, что никакого представления не имею о данной местности.

— Мы в двух шагах от меня. Сейчас мы выйдем на мост, и вам все станет ясно!

Мы вышли по узкой улочке к каналу, где я успел прочесть название «Рио-ди-Сан-Тривазо», а через минуту мы уже стояли на мостике.

— Теперь смотрите, — направо, в конце канала, перед вами палаццо Скриньи, его легко запомнить; напротив него двухэтажный коричневый дом. Среднее окно — мое... И все!.. Итак, когда же я услышу вас?

— Сегодня вечером.

— Но где же?

Я поцеловал маленькую тонкую руку и тихо ответил:

— У вашего окна!

Мы простились. Белая накидка еще раз два мелькнула вдалеке и скрылась. Я стоял на мостике и рассматривал каменные берега канала. Красиво розовело справа старинное здание с готическими окнами, полуразрушенной круглой башенкой и массой зелени, обвивающей наружную сломанную стену. А влево, утопая в солнце, чистенький коричневый домик улыбался мне приветливыми окнами и ласковой листвою маленького сада.

Вечером, когда солнце опустилось и тьма легла на мутные каналы, я отыскал знакомого гондольера и, захватив с собой гитару, отправился на прогулку. Оставив берег, мы тихо продвигались среди спящих пароводиков и гондол. И старый лодочник обучал меня местным обычаям.

— У нас, — говорил он, — все просто! Если не понравится ваше пение, то вы, хоть до утра стойте в лодке, никого не увидите и ничего не услышите. А если понравится, если вас, что называется, принимают к сердцу, то подойдут к окну и бросят вам цветы. И это значит, что вы, во всяком случае, доставили удовольствие той, кому пели. Ну и конечно, остальное уже не касается ни обычаев, ни традиций, а только личного взгляда на дело!

Что же будет со мной? Как примут мое пение? Молчание или цветы украсят мой последний вечер в Венеции?.. Мы приближались. Повернули вправо, проехали под одним мостом, под другим и, наконец, под третьим; передо мной открылись знакомые места,

и сразу тысячи волнений затрепетали внутри меня, и жуткая боязнь ущемила сердце. Передо мной открывался темный канал с освещенными окнами и широкими дверями над самой водой... Где же ее окно? Куда направить свой голос и свою влюбленную надежду? Кажется, сюда...

Я остановил гондолу. Мой лодочник зажег три красных фонарика, один на носу, другой на корме, а третий поставил в моих ногах у скамейки.

И я запел. Робость, застенчивость и жуткая боязнь исчезли, сменяясь настоящим вдохновением, безыскусственным порывом; — на этот раз прозвучало широкое итальянское пение. Нежная серенада Альмавивы понесла мои влюбленные призывы к освещенным амбраурам. Я пел с закрытыми глазами, боясь увидеть пустоту в сияющих огнях окон. Но вот последние аккорды гитары слились с высокими нотами песни, и, прежде чем я открыл глаза, к ногам моим упали цветы.

Не в одном, а в нескольких окнах показались тонкие, словно воздушные, фигуры, но одну из них я сразу узнал и приказал гондольеру подплыть еще ближе. Еще и еще прозвучали песни, и с особенной радостью я спел ей — этой тени средневековой Италии — мадригал «Амарилли», в котором сочетаются простота старины с изумительной нежностью и искренностью...

Снова упали цветы, и с нескольких сторон раздалось одобрительное «браво». Аплодировали в окнах и с проезжающих мимо гондол. Подхватив букет и прикоснувшись к нему губами, я сейчас же увидел прикрепленную карточку, на которой стояло только пять слов: «В девять на мосту Риальто».

Я приподнял шляпу, приветствовал всех, кто был так мил ко мне, и, проплыв вперед к Большому кана-

лу, через двадцать минут уже был у моста Риальто, где простился со своим стариком.

Я несколько раз прошелся взад и вперед по мосту, не вызывая особенного внимания, так как одет был как южные итальянцы — в широкополой шляпе, в темной пелерине, с гитарой и букетом цветов в руках. Потом я спустился к пристани и облокотился на деревянные перила. Когда справа показалась приближающаяся голубая точка, я инстинктивно узнал ее, и, как только лодка подъехала к берегу, я быстро пошел навстречу. Через мгновение мы тронулись в путь.

Странный, незабываемый вечер. На бархатной скамье, под уютным балдахином гондолы мы, две черные тени, скользили сначала среди шумного суетливого канала, потом среди спокойного тихого залива.

Кто мы? Случайные встречные, сумевшие из красивой мечты создать красивую реальность.

Плавно скользила лодка, и мягко скользили наши руки, едва касаясь друг друга, но прикосновением кончиков горящих пальцев угадывая, ощущая тысячи новых миров, новых чувств — и сладостных, и вечных.

На острове Лидо, куда причалил седой гондольер в бархатной ливрее, мы долго гуляли среди густой зелени пальм, кипарисов и лимонов. Мы уже мало говорили. Мы отдавались совершенно новой для нас жизни воплощенной мечты, и нам обоим казалось, что мы пережили лучшие часы земного счастья...

Поздно вечером на фантастически освещенной террасе гранд-отеля я положил ей на колени сорванную ветку кипариса, а она воткнула мне в петлицу веточку ландыша. Перед нами раскрывались слегка волнующееся море, голубая Венеция и огни бесчисленных гондол.

Мы спустились в парк. Медленно, под руку, чувствуя теплоту и близость друг друга, мы бродили из стороны в сторону...

— Вы не забудете меня? — прошептала стройная девушка с золотыми волосами и глазами морской синевы.

— Разве можно забыть счастье? — тихо ответил я, нежно-нежно целуя ее руки. В то же мгновение она потянулась ко мне вся и, запечатлев долгий сладкий поцелуй на моих глазах, крепко пожала мне руку.

— Пойдемте! — сказала маркиза как-то грустно и печально.

— Уже пора!

Мы сели в гондолу. Сначала долго молчали, переживая в себе печаль предстоящей разлуки. Но когда город уже показался перед нами, когда момент разлуки приближался с каждым мгновением — я снова запел свои лучшие песни; снова заиграла на устах улыбка, глаза наполнились светом; и затрепетали души радостью и жизнью.

Мы не забудем друг друга, значит, мы не разлучаемся, значит, незачем печалиться... Через несколько минут у моста Риальто мы простились навсегда.

II

С гитарой до Болоньи

Когда я вспоминаю о моем первом путешествии в Италию, самым странным мне кажется та простая случайность, которая толкнула меня вперед и затем — непрерывно ряд за рядом — открывала предо мной все новые и новые картины, все ярче, все пышнее и красочней.

Гитара, купленная моей случайной спутницей, осталась мне в наследство и лежала на столе в то время, как я делал последние вычисления о возможности или невозможности дальнейшего путешествия.

Эта плохонькая дешевая гитара вместе с пустым кошельком и круговым билетом до Неаполя и обратно в Милан подсказала мне дальнейшую работу.

Следующим утром я сел в самый ранний поезд на Верону с тем, чтобы, переходя из купе в купе, петь все, что только придет в голову: русские, французские, итальянские песни, свои собственные мелодии; словом — все, что только знаю, — зарабатывая таким образом в поезде и по пути осматривая города. Самое дорогое — билет — у меня уже имелся, а на обед и ночевку не так уж много требовалось. Я и раньше присматривался к этим вагонным певцам и заметил, что им не только давали деньги, но почти всегда угощали вином и яйцами, чем придется...

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru